

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>С. Маршак. Об этой книге</i>	3
Первые дни	24
Цыган из Александро-Невской лавры	33
Янкель пришел	45
Табак японский	56
Маленький человек из-под Смольного	77
Халдеи	90
Власть народу	117
Великий ростовщик	128
Стрельна трепешет	160
Кауфман фон Офенбах	206
Пожар	216
Ленька Пантелеев	233
О «шестой державе»	268
«Дзе, Кальмот и К°»	290
Саша Пыльников	299
Улиганштадт	313
Лотерея-аллегри	329
«Даешь политграмоту»	349
Учет	358
Шкида влюбляется	370

Крокодил	404
Преступление и наказание	419
«Юнком»	438
Содом и Гоморра	455
Первый выпуск	469
Раскол в Цека	479
«Шкидкино»	493
Бумажная панама	501
Спектакль	508
Птенцы опереются	523
Последние могикане	532
Эпилог, написанный в 1926 году	538

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Первой книге молодого автора редко удается пробить себе дорогу к широкой читательской аудитории. Еще реже выдерживает она испытание временем.

Немногие из начинающих писателей приходят в литературу с уже накопленным жизненным опытом, со своими наблюдениями и мыслями.

Одним из счастливых исключений в ряду первых писательских книг была «Республика Шкид», написанная двумя авторами в 1926 году, когда старшему из них — Г. Белых — шел всего лишь двадцатый год, а младшему — Л. Пантелееву — не было еще и восемнадцати.

Вышла в свет эта повесть в самом начале 1927 года, на десятом году революции. Все у нас было тогда ново и молодо. Молода Советская Республика, молода ее школа, литература. Молоды и авторы книги.

В это время впервые заговорило о себе и о своей эпохе поколение, выросшее в революционные годы.

Только что выступил в печати со звонкой и яркой романтической повестью, озаглавленной тремя загадочными буквами «Р. В. С.», Аркадий Голиков, избравший впоследствии псевдоним «Аркадий Гай-

дар». Это был человек, прошедший суровую фронттовую школу в тогда еще молодой Красной Армии, где шестнадцатилетним юношей он уже командовал полком.

Авторы «Республики Шкид» вошли в жизнь не таким прямым и открытым путем, каким вошел в нее Гайдар. Оттого и повесть их полна сложных житейских и психологических изломов и поворотов.

Эту повесть написали бывшие беспризорные, одни из тех, кому судьба готовила участь бродяг, воров, налетчиков. Осколки разрушенных семей, они легко могли бы докатиться до самого дна жизни, стать «человеческой пылью», если бы молодая Советская Республика с первых лет своего существования не начала бережно собирать этих, казалось бы, навсегда потерянных для общества будущих граждан, сделавшихся с детства «бывшими людьми».

«Их брали из “нормальных” детдомов, из тюрем, из распределительных пунктов, от измученных родителей и из отделений милиции, куда приводили разношерстную беспризорщину прямо с облавы по притонам... Пестрая ватага распределялась по новым домам. Так появилась новая сеть детских домов-школ, в шеренгу которых стала и вновь испеченная “Школа социально-индивидуального воспитания имени Достоевского”, позднее сокращенная ее дефективными обитателями в звучное “Шкид”».

Должно быть, это сокращенное название, заменившее собою более длинное и торжественное, привилось и укоренилось так скоро потому, что в новообразованном слове «Шкид» («или «Шкида»)

бывшие беспризорники чувствовали нечто знакомое, свое, созвучное словечкам из уличного жаргона «шкет» и «шкода».

И вот в облупленном трехэтажном здании на Петергофском проспекте приступила к работе новая школа-интернат.

Нелегко было обуздать буйную ораву подростков, сызмала привыкших к вольной, кочевой, бесшабашной жизни. У каждого из них была своя, богатая приключениями биография, свой, особый, выработанный в отчаянной борьбе за жизнь характер.

Многие воспитатели оказывались, несмотря на свой зрелый возраст, наивными младенцами, очутившись лицом к лицу с этими прожженными, выдавшими виды ребятами. Острым, наметанным глазом шкидцы сразу же находили у педагога слабые стороны и, в конце концов, выживали его или подчиняли своей воле. На ребят не действовали ни грозные окрики, ни наказания. Еще рискованнее были попытки заигрывать с ними. Сам того не замечая, педагог, подлаживавшийся к ребятам, становился у них посмешищем или невольным сообщником и должен был терпеливо сносить не только издевательства, но подчас и побои.

Всего лишь нескольким воспитателям удалось — да и то не сразу — найти верный тон в отношениях с питомцами Шкиды.

Но в сущности, упорная борьба двух лагерей длится чуть ли не до самого конца повести. Один лагерь — это «халдеи», довольно пестрый коллектив педагогов во главе с неистощимым изобретателем

новых тактических приемов и маневров, заведующим школой Викниксором. Другой лагерь — орда лукавых и непокорных, ничуть не менее изобретательных шкидцев.

То одна, то другая сторона берет верх в этой борьбе. Иной раз кажется, что решающую победу одержал Викниксор, наконец-то нашедший путь к сердцам ребят или укротивший их суровыми мерами. И вдруг шкидцы преподносят сюрприз — такую сногшибательную «бузу», какой не было с первых дней школы. В классах и залах громоздят баррикады и учиняют дикую расправу над «халдеями».

Шкида бушует, как разгневанная стихия, а потом неожиданно утихает и снова входит в прежние границы.

На первый взгляд герои Шкиды — бывалые ребята, прошедшие сквозь огонь, воду и медные трубы, отчаянные парни с воровскими повадками и блатными кличками — Гужбан, Кобчик, Турка, Голый барин (шкидцы переименовали не только свою школу, но и друг друга и всех воспитателей).

Но сто́ит немного пристальнее взглядеться в юных обитателей Шкиды, как под лихими бандитскими кличками вы обнаружите искалеченных жизнью, измороженных долгим недоеданием, истеричных подростков, по нервам которых всей тяжестью прокатились годы войны, блокады, разрухи. Вот почему они так легко возбуждаются, так быстро переходят от гнетущей тоски к исступленному веселью, от мирных и даже задушевных бесед с Викниксором — к новому, еще более отчаянному восстанию.

И все же нравы в республике Шкид с течением времени меняются.

Правда, это происходит куда менее заметно и последовательно, чем во многих книгах, авторы которых ставили себе целью показать, как советская школа, детский дом или рабочая бригада «перековывает» опустившихся людей. Казалось бы, неопытные литераторы, взявшиеся за биографическую повесть в восемнадцати-девятнадцатилетнем возрасте, легко могли свернуть на эту избитую дорожку, быстро размотать пружину сюжета и довести книгу до благополучного конца, минуя все жизненные противоречия, зигзаги и петли. Но нет, движущая пружина повести оказалась у молодых авторов тугой и неподатливой. Они не соблазнились упрощениями, не сгладили углов, не обошли трудностей.

Перед нами проходит причудливая вереница питомцев Шкиды разного возраста и происхождения.

Даже самих себя Л. Пантелеев и Г. Белых изобразили с беспощадной правдивостью, лишенной какой бы то ни было подкраски и ретуши.

Сын вдовы-прачки, способный, ловкий, изворотливый Гришка Черных, по прозвищу Янкель, рано променял школу на улицу. С жадностью глотает он страницы «Ната Пинкертона» и «Боба Руланда» и в то же время занимается самыми разнообразными промыслами «обрабатывает двумя пальцами» кружку с пожертвованиями у часовни, а потом обзаводится санками и становится «советской лошадкой» — ждет у вокзала приезда мешочников, чтобы

везти через весь город их тяжелый багаж за буханку хлеба или за несколько «лимонов».

А вот другой шкидец, одетый в рваный узкий мундирчик с несколькими уцелевшими золотыми пуговицами. До Шкиды он учился в кадетском корпусе.

«Эге! — восклицает Янкель. — Значит, благородного происхождения?»

— Да, — отвечает Купец, но без всякой гордости — благородного. Фамилия-то моя полная Вольф фон Офенбах.

— Барон?!. — ржет Янкель. — Здорово!..

— Да только жизнь-то моя не лучше вашей, тоже с детства дома не живу.

— Ладно, — заявил Япошка. — Пускай ты барон, нас не касается. У нас — равноправие.

И в самом деле, в Шкиде нет имущественных и сословных различий. Все равны. Однако и здесь появляются среди ребят свои хищники.

В Шкиде, как и в голодном Петрограде времен блокады и разрухи голод порождает спекуляцию.

Неизвестно откуда появившийся Слаенов, подросток, «похожий на сытого и довольного паучка», дает в долг своим отощавшим товарищам осьмушки хлеба и получает за них четвёртки. Скоро он становится настоящим богачом — даже не по шкидским масштабам, — уделяет долю своих хлебных запасов старшему отделению, чтобы с его помощью властвовать над обращенными в рабство младшими ребятами. Все это продолжается до тех пор, пока республика Шкид не обрушивается на опутавшего ее своей

сетью «паучка» со всей свойственной ей внезапной яростью и неистовством.

Рабство в Шкиде упраздняется, долги аннулируются: «Нынче вышел манифест. Кто кому должен, тому крест!».

Так понемногу преодолевает Шкида болезни, привитые улицей, толкучкой, общением с уголовным миром.

Тот, кто внимательно прочтет эту необычную школьную эпопею, с интересом заметит, какой сложный и причудливый сплав постепенно образуется в Шкиде, где увлекающийся педагогическими исканиями Викниксор пытается привить сборищу бывших беспризорных чуть ли не лицейские традиции.

В одной и той же главе книги шкидец Бобер напевает на мотив «Яблочка» характерные для того времени зловещие уличные частушки

Эх, яблочко
На подоконничке!
В Петрограде появились
Покойнички...

И тут же хор шкидцев затягивает сочиненный ребятами по инициативе Викниксора торжественный гимн на мотив старинной студенческой песни «Gaudeamus».

В этом школьном гимне, которым Викниксор рассчитывал поднять у ребят чувство собственного достоинства и уважения к своей школе, строго выдержан стиль и ритм стихотворного латинского текста, рожденного в стенах университетов:

Мы из разных школ пришли,
Чтобы здесь учиться.
Братья, дружную семьей
Будем же труд-и-тсья!..

А в самые тяжелые для Шкиды дни, когда в ней вспыхнула бурная эпидемия воровства, заведующий школой опять, по выражению шкидцев, «залез в глубокую древность» и вытащил оттуда социальную меру защиты от преступников, применявшуюся в древней Греции, — остракизм.

Вопрос о том, кого подвергнуть остракизму поставили на закрытое голосование.

Еще так недавно все шкидцы были связаны круговой порукой, нерушимым блатным законом: «Своих не выдавать!».

Но, предлагая новую крутую меру, Викниксор чувствовал, что лед тронулся: Шкида уже не та, на нее можно положиться.

И в самом деле, только меньшинство голосовавших возвратило листки незаполненными. Да и то по мотивам, которые были четко выражены в надписи на одном из листов: «Боюсь писать — побьют».

А большинство ребят нашло в себе мужество назвать имена коноводов, которые всего лишь за несколько дней до того задавали в Шкиде буйные и щедрые пиры и катали босоногую компанию по городу в легковом автомобиле.

Этот товарищеский суд был, в сущности, крупнейшей победой Викниксора в борьбе со шкидской анархией и воровством. Нанесен был решительный удар круговой поруке, развенчана бандитская удаль.